

Author: Эпштейн Самуил Данилович

Золотая Валюта . Витте.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗОЛОТАЯ ВАЛЮТА . Витте.

Еще в царствование Императора Александра III была в основе предрешена денежная реформа, которую я имел честь совершить, которая спасла, укрепила русские финансы и на которой зиждется и основывается не смотря на несчастную японскую войну и все ужасные происшедшие от нее последствия – настоящее финансовое благосостояние России.

Но я должен сказать, что у меня, когда я сделался министром финансов, не было сомнений в том, что денежное обращение основанное на металле, есть благо; но так как я ранее этим вопросом глубоко не занимался, то поэтому у меня являлись не то, чтобы некоторые колебания, а непоследовательные шаги и в этом нет ничего удивительного.

Россия жила на денежной системе, основанной на кредитных билетах, с Севастопольской войны в течение нескольких десятков лет; все жившие в то время (в конце 80-х годов) поколения не знали и не вывели металлического обращения; ни в университетах, ни в высших школах правильной теории денежного обращения не читалось, по крайней мере не читались основы

металлического денежного обращения и не читались по той простой причине, что этого обращения не было в действительности, и потому оно имело скорее как бы теоретический, а не практический характер. По этому предмету не было на русском языке сколько-нибудь порядочных книг и учебников, за исключением нескольких, а именно, то, что выходило из под пера Николая Христиановича Бунге, когда он был профессором Киевского университета, а также и профессора Дерптского университета Вагнера, который потом покинул этот университет, сделался профессором Берлинского университета и до сих пор здравствует.

{78} Я очень хорошо помню разговор, который я имел с Бунге перед одним из первых заседаний Комитета Финансов, в котором я начал проводить денежную реформу.

Когда мы шли в это заседание, Бунге мне сказал следующее:

– Сергей Юльевич, вам будет очень трудно проводить эту реформу, потому что в Финансовом Комитете нет ни одного человека, который бы это дело знал. Все члены Финансового Комитета теоретически этого дела не изучали и на практике его не видали.

Мною была сделана ошибка, которая отчасти, может быть, помешала мне ориентироваться сразу в этом вопросе, ошибка эта заключалась в том, что я, будучи министром финансов, взял себе в товарищи профессора Киевского университета Антоновича. Я сделал это потому, что Антонович написал по этому предмету докторскую диссертацию, а именно, о денежном обращении.

Это была одна из тех книг, которую я читал ранее, нежели специально занялся этим предметом, будучи министром финансов.

Мне казалось, – да так было и в действительности, – что Антонович весьма твердо высказывался за необходимость металлического обращения, но я не принял во внимание характера, с одной стороны, крайне неустойчивого, а с другой стороны, грубого и некультурного. Он, по своей натуре, гораздо больше думал о своей мелкой пользе, нежели о том, будет ли совершена денежная реформа или нет.

Когда Антонович увидел, что не только Петербург, но и вся Россия против этой реформы, то он, конечно, начал вилять, а затем и сам стал высказываться против этой реформы.

Антонович был недурной человек, порядочный русский профессор, но замечательно хитрый хохол; очень маленький по своему характеру и мировоззрению. В деталях, конечно, он меня сбивал.

Так напр., он принял значительное участие в преобразовании Государственного Банка, и, если бы его не было, то новый устав Государственного Банка был бы иной; он бы в большей степени отразил ту основную мысль, что банк нужно преобразовать именно потому, что государство решило совершить денежную реформу, основанную на металле. Антонович ввел туда различные параграфы, которые я пропустил, расширяющее деятельность Государственного {79} Банка в смысле выдачи различных долгосрочных ссуд, основанных не на верных и краткосрочных обеспечениях.

Действительно эта часть нового устава Государственного Банка не находилась в полной гармонии с идеей преобразования денежного обращения в России и впоследствии мне иногда это ставили в вину, ибо, когда устав этот вошел в силу, мне же самому пришлось принимать меры, чтобы банк не совершал тех или иных операций долгосрочных и недостаточно обеспеченных, который тем не менее разрешались по его уставу, мною проведенному.

Я должен сказать следующее: в то время вопрос о денежной реформе осложнялся еще следующими обстоятельствами.

Многие из финансистов теоретиков и практиков, для которых преимущество металлического обращения над бумажным не составляло никакого вопроса, а являлось аксиомой, тем не менее колебались, когда дело шло о том, следует ли ввести денежное обращение, основанное только на одном золоте, или же может быть введено денежное обращение, основанное на серебре, или же на совместном обращении денег из двух металлов – как золота, так и серебра. Словом, между лицами, которые стояли вообще за необходимость денежного обращения, основанного на металле; не было единогласия в вопрос о том, должно ли обращение основываться на одном металле – золоте или серебре, или на двух металлах совместно, как на золоте, так и на серебре.

Впоследствии, когда я почти совсем овладел этим предметом с точки зрения понимания его, когда я уже почти проломал стену и ввел денежное обращение, основанное исключительно на золоте, мне приходилось по этому вопросу говорить и спорить с такими крупными финансистами, – крупными не

столько в смысле практики, сколько в смысле ума, как напр., знаменитый Альфонс Ротшильд, Леон Сэ, бывший министр финансов в начале французской республики, сын знаменитого экономиста Сэ.

Альфонс Ротшильд и Леон Сэ были за денежное обращение, основанное на серебре; того же мнения было и другое большое лицо, но очень слабый финансист, это бывший президент французской республики и мой близкий знакомый человек, относящийся ко мне крайне доброжелательно, так же, как и я к нему, – почтеннейший старец Лубэ, который еще недавно спорил со мною по этому предмету, хотя в настоящее время уже трудно спорить по этому предмету, но все-таки он еще пытался оправдывать свои идеи.

{80} В то время и президент французского министерства известный экономист М е л и н, который проводил во Франции протекционизм, также был против меня, как защитника денежного обращения, основанного на золоте.

У него был известный журналист экономист, который резко проводил эту идею, а именно Тьерри. Все это довольно понятно, с одной стороны потому, что в то время, когда я начал вводить денежное обращение в России, то серебро еще не было окончательно обесценено и была надежда, что оно может получить опять устойчивую цену, в особенности, конечно, если Россия введет денежное обращение, основанное на серебре. А с другой стороны, вообще французы были за денежное обращение, основанное, если не на одном серебре, то по крайней мере на двух металлах, но никак не на одном золоте. Это потому, что Франция есть страна, которая имеет в обращении наибольшее количество серебра, а именно, она имеет, кажется, до трех миллиардов франков. Таким образом для французов это был вопрос в некотором роде карманный.

Император Александр III в вопросах денежного обращения, по крайней мере в тех предварительных мерах, которые я принял, меня вполне поддерживал.

Я должен сказать, что, конечно, вопроса этого он не понимал, так как вообще вопрос этот специальный, и в то время в России за исключением нескольких человек никто его не понимал; поддерживал же меня Император Александр III потому, что он мне доверял и верил в то, что то, что я хочу сделать и к чему я относился с такою страстью – не может быть вредно России.

Когда я увидел, что Антонович в этом вопрос интригует – я с ним расстался, тем более, что он вследствие той манеры, которой он придерживался в отношении служащих, вследствие крайней грубости и некультурности сумел вооружить против себя всех чиновников министерства финансов, как высших, так и низших.

Еще ранее прибытия Его Величества в Царское Село после посещения Франции я из банковских сфер узнал, что во время пребывания Государя Императора в Париже, президент тогдашнего министерства Мелин интриговал против моего твердого решения во что бы то ни стало ввести в России золотую валюту.

{81} Я тогда же писал Его Величеству о дошедших до меня слухах, но Его Величество ответил мне, что мои сведения суть ничто иное, как сплетни.

Но через несколько дней после этого, когда я был у Его Величества, Государь Император вынул из своего стола две записки и передал их мне, сказав:

– Вот я вам отдаю записки, которые мне были поданы, по поводу предполагаемого вами введения золотой валюты в России, я их не читал, можете оставить их у себя.

Приехав домой, я начал рассматривать эти записки. Одна из записок – была записка председателя совета министров Мелина, в которой этот государственный деятель позволил себе вмешиваться в чрезвычайно важное дело, касающееся России, и вмешиваться с точки зрения эгоистической, не личной, а эгоистической французской. – К этой записке были приложены приложения, составленные известным, но заблуждающимся экономистом Тъери, сторонником серебряной валюты.

В этих записках авторы считали нужным предостеречь Государя Императора, что введение мною металлического обращения, основанного на золотой валюте, будет пагубно для России, и проводили мысль о введении валюты, основанной, если не исключительно на серебре, то, на биметаллизм, т.е. основанной как на серебре, так и на золоте, подобно тому, как это существует во Франции.

Я почел со стороны председателя совета министров французской республики такое действие в высшей степени некорректным, так как это вопрос чисто внутренний России и ни русский Император, ни русское правительство не нуждалось в этом отношении в советах Мелина.

Некорректен этот поступок и потому, что председатель министерства выбрал приезд Государя в Париж, чтобы возбудить этот вопрос, причем, по-видимому, Его Величество сказал, чтобы Мелин прислал ему свои соображения в Петербург.

И вот эти записки, которые Его Величество передал мне, сказав, что их не читал и не намерен читать, были переданы Его Величеству французским послом в Петербурге, графом Монтебелло, за несколько дней до того, когда Его Величество передал мне их. Граф Монтебелло имел по этому предмету особое поручение от своего правительства, или вернее от президента министерства.

Одною из самых крупнейших реформ, которую мне пришлось сделать во время нахождения моего у власти, была денежная {82} реформа, окончательно упрочившая кредит России и поставившая Россию в финансовом отношении наряду с другими великими европейскими державами.

Благодаря этой реформе, мы выдержали несчастную японскую войну, смуты, разыгравшиеся после войны, и все то тревожное положение, в каком донныне находится Россия.

Если бы не было сделано этой реформы с самого начала войны, последовал бы общий финансовый и экономический крах и все те успехи в экономическом отношении, которые достигнуты в последние десятки лет, пошли бы насмарку.

К этой реформе готовили наши финансы мои предшественники, как Бунге, так и Вышнеградский, но приготовления, сделанные ими, были сравнительно незначительны; в их время не был еще установлен окончательный план денежной реформы, даже в общих чертах, не говоря уже о всех деталях.

Все это было совершено мною и приведено в исполнение совершенно против течения; я имел за собою доверие Его Величества и благодаря его твердости и поддержке мне удалось совершить эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которые, несомненно, будут служить украшением царствования Императора Николая II.

Против этой реформы была почти вся мыслящая Россия: во 1-х, по невежеству в этом деле, во 2-х, по привычке, и в 3-х, по личному, хотя и мнимому интересу некоторых классов населения.

По невежеству, потому что этот теоретический вопрос был в то время чужд даже большинству русских экономистов и финансистов.

Действительно, так как мы в России со времен Крымской кампании находились в режиме бумажно-денежного обращения, то самое понятие о теории и практике металлического обращения у нас в обществе, в прессе и между образованными людьми, совсем утратилось. Все привыкли к бумажно-денежному обращению, как люди привыкают к некоторым хроническим болезням, хотя понемногу и ведущими к полному расстройству организма.

Так как все лица, заинтересованные в экспорте наших продуктов и, преимущественно, сельские хозяева, считали, что им выгодно денежно-бумажное обращение, так как с понижением цены нашей денежной валюты, они как бы более получают за свои продукты, именно знаками этой расстроенной денежной валюты.

{83} Так например, в те времена наш рубль еще считался равным четырем франкам, в действительности же он упал так, что он равнялся около $2 \frac{1}{2}$ франкам. Следовательно, на то количество франков, которое получал каждый землевладелец, продавая за границу, скажем, пуд пшеницы, – чем рубль стоял ниже, тем он более получал рублей и копеек, а потому и считал, что ему выгодно, чтобы курс понижался.

Это мнение, конечно; ошибочно, потому что в зависимости от понижения рубля этот же самый землевладелец, получая, например, за хлеб больше рублей, за то и платил большее количество рублей за большинство того, что он потребляет и чем он пользуется. Но это последнее обстоятельство землевладелец не принимал в расчет, так как не будучи финансистом и экономистом, он не мог соображать зависимость одной цены от другой.

Таким образом, мне приходилось идти против общего течения в России, как бы желавшего не нарушать то положение, которое существовало. Конечно, были такие люди, которые понимали, что металлическое обращение лучше, нежели бумажно-денежное обращение, но и они были все-таки против меня, боясь моей энергичности и решительности, – которые и вели к успешности. Я же с своей стороны отлично понимал, что если я не проведу это дело быстро, то оно, по той или по другой причине, совсем не удастся.

Вообще из последующего моего государственного опыта, я пришел к заключению, что в России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются.

Так как уже в то время знали мой нрав, то многие лица боялись этого нрава, т. е. в том смысле, чтобы я эту реформу, задуманную мною, не совершил быстро и решительно, предпочитая медленность и систематичность.

Кроме того, против этой реформы внутри России были те лица, которые вообще, по тем или другим причинам, желали меня, если не свергнуть, то обесцветить.

Наконец, против этой реформы в том виде, в каком я ее проводил, т. е. реформы, основанной исключительно на золоте, иначе говоря, – реформы денежного обращения, основанной на монометаллизме, – были многие из весьма компетентных и достойных финансистов, которые еще не утратили веру в серебро, как металл, могущий служить основанием для денежной единицы. Хотя в то время серебро уже значительно упало в своей цене, но многие из {84} финансистов полагали, или, вернее говоря, хотели верить, что это есть временное явление, что серебро может повыситься в цене и что оно во всяком случае не будет далее падать.

Я же был того убеждения, которое и оправдалось, что цена на серебро будет все более и более падать, и что может наступить время, когда серебро совсем потеряет титул благородного металла.

Наконец, при проведении денежной реформы, я столкнулся еще с следующим препятствием:

В апреле месяце 1896 г., когда рассматривалось в департаментах государственного совета мое представление, имевшее положить начало денежного преобразования и введения металлического обращения, я встретил в государственном совете неожиданное противодействие.

Противодействие это, конечно, не заключалось в том, чтобы прямо сказать “нет”, но в том, чтобы замедлить это дело и поставить такие препятствия, при которых дело это было бы провалено.

Такое препятствие в государственном совете я встретил опять-таки главным образом потому, что большинство членов государственного совета совсем не были знакомы с вопросом, а между тем среди членов государственного совета явились двое, которые имели репутацию людей, знающих дело, и которые явились моими противниками.

Один из них – это почтеннейший Борис Павлович Мансуров, – он делал возражения, главным образом, по недоверию к тому, что мне удастся провести реформу, а с другой стороны – по своему характеру, крайне критическому.

Другим моим оппонентом был член государственного совета Верховский, бывали директором кредитной канцелярии при Бунге, а потому имевший некоторый авторитет в глазах членов государственного совета. – Верховский делал возражения исключительно с личной точки зрения: он почему то считал себя призванным быть министром финансов и никак не мог помириться с

мыслью, что на кресле министра финансов сидит не он, а я.

В результате заседаний департаментов государственного совета был поставлен целый ряд вопросов, которые я должен был осветить и представить по ним подробные фактические объяснения, но которых я (никогда) и не представил, так как отлично понял, что мне эту реформу через государственный совет не провести, а потому я и решил провести ее помимо государственного совета.

{85} Все вопросы обсуждались в финансовом комитете, члены которого, большею частью, шли за мною, что впрочем довольно естественно, так как вообще назначение членов в финансовый комитет, а равно и председателя – в значительной степени зависит от министра финансов. Наконец, обыкновенно, членами финансового комитета назначаются лица, которым финансовые вопросы вообще не вполне чужды.

Когда я почувствовал, что необходимо с вопросом о введении золотой валюты покончить и, зная, что государственный совет опять меня затормозит, я испросил у Его Величества, чтобы Государь Император собрал финансовый комитет под своим председательством и пригласил к присутствованию в финансовом комитете председателя государственного совета, Великого Князя Михаила Николаевича и тех членов одного, которых он почтет нужным пригласить.

Его Величество исполнил мое ходатайство и собрал 2-го января 1897 года финансовый комитет в усиленном составе, под своим председательством. На этом заседании и была, в сущности, решена участь финансовой реформы, т. е.

решено было ввести в Российской Империи металлическое обращение, основанное на золоте, которое во всех отношениях укрепило Россию.

Из изложенного краткого очерка видно, что, в сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это – доверие Императора, а потому, я вновь повторяю, что Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно Императору Николаю II.

В настоящее время, после японской войны, все, или по крайней мере, за редкими исключениями, понимают все благое значение этой реформы. К сожалению, понимание это должно было быть достигнуто новыми испытаниями России, а именно японской войной и смутами.

Говоря о денежной реформе, часто делают следующее замечание: почему Витте, делая эту великую реформу, основал ее на девальвации, и почему он не установил более мелкую единицу, чем один рубль? Если бы была установлена более мелкая единица, то было бы дешевле жить.

Я основал реформу на девальвации, т. е. на том основании, что цена рубля против его номинальной ценности была понижена, для того, чтобы не производить общей пертурбации в России. Я совершил реформу так, что население России совсем и не заметило ее, как будто бы ничего собственно не изменилось. И, когда последовал 3-го {86} января 1897 года указ, то все осталось так, как было, цены предметов не изменились, а потому никаких пертурбации и не произошло; всякие пертурбации и в будущем были предотвращены и тому положению вещей, которое существовало 3-го января, был дан прочный устой; под это положение был подведен фундамент, который

предотвратил всякие возможные колебания цен от непрочности валюты.

Между тем, в числе доводов, которые мне представили в прессе и в государственном совете, были и те, что необходимо стремиться к тому, чтобы восстановить номинальную цену рубля, т. е. рубля, равного четырем франкам, а не $2\frac{2}{3}$ франка, как это я сделал. Понятно, сказать в то время, чтобы сделать рубль равным четырем франкам, это значило бы, не только сделать полную пертурбацию в России, но и поставить задачу, которая, можно сказать, фактически не имела никакой вероятности для исполнения; это значило бы просто провалить то дело, за которое я взялся со всею энергией, которой я всегда отличался и отличаюсь, а в особенности, которой я был полон, когда был молод.

Другое возражение заключалось в том, что следовало бы, делая реформу, вместо единицы рубля ввести какую-нибудь более мелкую единицу, причем указывалось, что там, где есть более мелкая единица, например, в Германии марка, во Франции – франк, что там жизнь дешевле.

В известной мере относительно дешевизны жизни это замечание правильно. Что касается всяких оптовых сделок, мировой международной торговли, то предположения, что при более мелкой единице, можно покупать дешевле – неверно, но что касается обыкновенной жизни, в особенности городской, то, действительно, при более низкой валюте в некоторых отношениях жизнь дешевле, хотя этот вопрос – дешевизны – имеет скорее значение личное. Тут замешаны интересы личные и известных классов населения, но не общегосударственные, не затрагиваются общегосударственные интересы всей страны.

Я, тем не менее, действительно, думал сделать более мелкую единицу и хотел ввести единицу “русь”, – как я ее назвал, – которая представляет собою цену значительно менее рубля. Таким образом я рубль хотел заменить “русью”; даже образцы такой золотой монеты уже были отчеканены. Но когда я увидел, что против моей реформы, которую я решился во что бы то ни стало провести, я встречаю столько возражений, то я эту мысль откинул.

Когда я совершил реформу, то весь простой класс населения, весь народ совсем не заметил и не подозревал, что я сделал реформу, {87} а между тем, если бы я вздумал рубль заменить “русью” и, соответственно “руси”, ввел 100 новых копеек, причем каждая копейка была бы гораздо меньше в цене, чем теперешняя копейка (100 которых составляет теперешний рубль), то эта мера коснулась бы всего населения и произошла бы полная пертурбация в ценах, чем могло быть обеспокоено все крестьянство, все, так сказать, темное население и, конечно, тогда, после введения реформы, которая прошла у меня совершенно гладко и незаметно, – явились бы тысячи и тысячи жалоб и недоразумений.

Таким образом, перемены рубля на “русь” и жалобы, вытекающие из этой меры, были бы поставлены главным доводом неудачности моей реформы. Все сказали бы: Вот затеял дело вопреки всевозможных предостережений и произвел полную смуту в умах всей России”.

Я полагаю, что вероятно и Мелину было известно, что государственный совет идет против меня, а потому думал, что, если он подаст записку Государю, то окончательно повлияет на Государя.

С своей стороны опасаясь, чтобы Его Величество не внял тем возражениям, которые шли против меня в то время со всех концов России, т. е. не против меня, а против моей идеи немедленно ввести денежную реформу, я решил совершить ее быстро, неотлагательно.